

против еврейских погромов в Германии.

15. Чемберлен заявил в палате общин, что «свѣдѣнія о еврейских погромах в Германии, к сожалѣнію, соотвѣтствуют дѣйствительности», и выразил сочувствіе тѣм, «кто жестоко страдает за совершенное в Парижѣ преступленіе».

16. Американскій посол в Германии, Вильсон, вызван в Вашингтон «для доклада о положеніи в Германии». Рузвельт заявил журналистам, что этот вызов не является официальным отозваніем, но что американское общественное мнѣніе глубоко опечалено неслыханными погромами. Поэтому потребовалась личная информация посла для выясненія дальнѣйших мѣр.

17. Макдональд заявил в палатѣ общин, что Англія не намѣрена уступать кому бы то ни было колоній, находящимся под британским управленіем.

18. Нобелевская премія мира присуждена нансеновскому комитету помощи бѣженцам.

— Англійскій министр координаціи обороны Инскип заявил, что гоненія на евреев в Германии нанесли жестокий удар миротворческой политикѣ Чемберлена.

— Германскій посол в Вашингтонѣ отозван «для представленія доклада об американских настроеніях».

19. На дополнительных выборах в Англіи прошел либерал Вернон Бартлет, побившій консерватора. Газеты пишут, что послѣдній «стал жертвой еврейских погромов в Германии»: побѣда либерала знаменует паденіе популярности миротворческой политики Чемберлена.

— В Париж прибыл румынскій король Кароль.

20. В Парижѣ скончался, 72 лѣт от роду, философ Лев Шестов.

— В Лондонѣ скончалась норвежская королева Мод.

21. По соглашенію между Прагой и Берлином, к Германии отошли новыя чехословацкія территоріи, не предусмотрѣнныя ни годесбергским меморандумом, ни мюнхенским соглашеніем. Под власть Германии перешло еще 60.000 чехов.

22. Новый французскій посол в Германии Кулондр вручил вѣрительныя грамоты Гитлеру. В отвѣтной рѣчи фюрер выразил надежду, что, при нынѣшнем отсутствіи объектов спора между Германией и Франціей, обѣ державы будут жить в мирѣ.

— Финансовая комиссія палаты депутатов отнеслась с осужденіем к декретам - законам. Даладье пригрозил, что, если правительство не получит в комиссії большинства голосов, он протелеграфирует Чемберлену и отсрочит свиданіе. Резолюція довѣрія принята 25 головами против 16, при 2 воздержавшихся.

23. Чемберлен и Галифакс были в Париж и совѣщались с французскими министрами. Главный предмет бесѣды — вопросы обороны.

24. Берлин официально сообщает о предстоящем опубликованіи франко - германской деклараціи о взаимном не-нападеніи. Поѣздка фон Риббентропа в Париж для подписанія деклараціи намѣчена на 28 ноября.

25. Участились столкновенія между чехами и поляками на территоріи, которая должна перейти к Польшѣ.

— СЖТ назначила на 30 ноября всеобщую забастовку протеста против декретов - законов.

26. Даладье заявил, что правительство примет всѣ мѣры к под-

держанію нормальной жизни страны 30 ноября и не остановится перед реквизиціей служб, имѣющих общественное значеніе; бастующіе чиновники будут уволены.

— Германская печать сообщает, что поѣздка фон Риббентропа в Париж откладывается: германскій министр поѣдет во Францію только тогда, когда в странѣ будет царить порядок.

27. В Варшавѣ и Москвѣ опубликовано официальное сообщеніе «об улучшеніи добрососѣдских отношеній между обѣими странами».

— Выясняется, что польско - совѣтская декларація вызвана украинской политикой Германии. На банкетѣ в Хустѣ, глава карпаторосскаго правительства Волошин закон-

чил рѣчь словами: «Да благословит Бог фюрера». Присутствовавшій совѣтник германскаго посольства в Прагѣ Гофман общался съ дѣлать в Берлинѣ доклад «о чаяніях подкарпатских украинцев».

28. Форен - офис сообщает, что в первой половинѣ января Чемберлен поѣдет в Рим.

29. Французское правительство реквизирировало всѣ общественныя службы страны с цѣлью парализовать всеобщую забастовку, объявленную СЖТ.

30. Президентом чехословацкаго государства избран видный чешскій юрист, предсѣдатель высшаго административнаго суда Эмиль Гаха.

— Всеобщая забастовка во Франціи не удалась.

Из міра литературы

В обыкновенныя, спокойныя времена нобелевская премія по литературѣ — только диплом на всемірное признаніе. Сейчас всему придается значеніе символа: таково уж состояніе Европы, что к каждому обращен вопросу: «како вѣруешь?» Каждый поступок, каждое рѣшеніе истолковывается, как своего рода «жест».

Перль Бак — согласно принятой в Россіи транскрипціи ея имени Pearl Buck — могла бы получить нобелевскую премію и за художественныя достоинства своих романов. Но то, что в нѣскольких странах было выдвинуто имя Чапека и, значит, символически — Чехіи, что Перль Бак вовсе не «гость случайный» двух станом, а человекъ знающій, чего он хочет и чего не хочет; что у нея создалась репутація заступницы за Китай (который она остроумно сравнила с огромным, несчастным китом, подвергшимся нападению маленькой, но проворной и зубастой акулы), — все это вносит в литературный выбор особый оттѣнок... Чапеку преміи не дали, повидимому, из-за шумихи, поднятой вокруг его кандидатуры: в Стокгольмѣ этого не любят, и свѣдущіе люди сразу послѣ опубликованія широковысказанных воззваній в его пользу сказали, что шансы Чапека сведены к нулю. О Перль Бак никто не упоминал. Но, конечно, в Швеціи извѣстны были ея взгляды и симпатіи, — и от-

мѣчен крупнѣйшей в мѣрѣ литературной преміей не только талант, отмѣчены и эти взгляды и симпатіи. Таково по крайней мѣрѣ общее впечатлѣніе. Так почти повсюду истолковано приобщеніе сравнительно молодой писательницы к всесвѣтным знаменитостям.

О Перль Бак будет теперь, вѣроятно, написано много статей. Есть в ея творчествѣ черта, на которую еще не было обращено вниманія. А черта эта замѣчательная и очень существенная.

До сих пор в литературѣ женщины шли на поводу у мужчин, — и пожалуй только в любовной лирикѣ отвоевали свое, особое мѣсто. Оттого в понятіи «женская литература» есть что — то внушающее пренебреженіе, как бы предупреждающее о второсортности, — настолько явственное, что во Франціи, напримѣр, женщины по требованію издателей все чаще скрываются под мужскими псевдонимами, а у нас Зинаида Гипіус всѣ свои стихи написала в мужском родѣ. Женщины в литературѣ дѣлали и говорили то же самое, что мужчины, но чуть — чуть хуже, чуть слабѣе. Им будто и в голову не приходило, что у них должны найтись особыя темы и может возникнуть особый тон.

Набрели на это — вѣроятно, безотчетно — писательницы в англо-саксонских странах, гдѣ в послѣднія десятилѣтія женская литература приобрѣла глубину и очарованіе. Назову хотя бы имя Кэтрин Мансфилд, — кажется, самое популярное, если и не самое блестящее. О «любви» в ея книгах не так много рѣчи. Любовь — в общепринятом смыслѣ слова — ее скорѣй раздражает, чѣм прельщает. Но то, о чем пишет Мансфилд, то, как она пишет, — почти недоступно мужчинам. Во всяком случаѣ, это не полинялая копія мужского творчества, а незнакомый прежде оригинал. Книжки ея мягче, нѣжнѣе, добрѣе, во многом и ко многому внимательнѣе мужских, — и отсутствіе общих идей в них искупается чѣм то не менѣе важным! Онѣ по женски умны, без «синяго чулка», без Жорж Занд, — совсѣм иначе.

Перль Бак — в той же линіи. Она сказала много неотразимо вѣрных, естественно — мудрых слов о войнах, о милитаризмѣ, о націонализмѣ, — о всем, что волнует или ужасает и мужчин, конечно, но на что еще никто из них не сумѣл так возразить. Письма матери для солдата на фронтѣ — совсѣм не то же, что письма отца. В литературѣ как будто только теперь появилось сознаніе, что это не случайно.

Послѣ долгаго перерыва снова в печати — подпись Бунина.

Если два коротких газетных разсказа «Степа» и «Муза» — доказательство того, что Бунин «вернулся к литературѣ», — а ходят слухи, что он сейчас пишет, почти не отрываясь от стола, — это событіе гораздо болѣе значительное, чѣм появленіе на свѣт Божій добраго десятка иных романов. Силы не только не измѣнили Бунину, — их у него ничуть не убавилось. В «Степѣ» свѣжесть чувства, как у тридцатилѣтняго человѣка, а уж краски, запахи, шорохи, звуки, — все это передано так, будто тут же рядом, гдѣ — то в двух шагах, льет дождь, и молодой купец Красильщиков трясется на дрожках, вспоминая свою «чайную розу», московскую домаку — актрису. Кстати, как необыкновенно характерно для Бунина постоянное мельканіе у него этого типа, — женщины, которая, как Катя из «Митиной любви», играет Скрыбина, скучает, нервничает и «безумно любит искусство»! И, наоборот, как одушевляется он при видѣ простоты и здоровья.

С неподражаемым юмором разсказывал как-то Бунин о своем случайном визитѣ утром к одной довольно извѣстной, — впрочем, теперь забытой поэтессѣ, о том, как та, полуразвалясь в креслѣ и натягивая шелковый чулок, сокрушенно — капризно вздыхала:

— Ах, я такая гадкая.... такая гадкая!

Не было у нас, кажется, со времен Чехова человѣка, который острѣе чувствовал бы фальшь, чѣм Бунин. Не было писателя менѣе «городского», — в том значеніи слова, в каком городским писателем может быть назван Достоевскій. У Достоевскаго, конечно, фальши нѣтъ: слово для него слишком мелко и плоско. Слово по отношенію к нему кощунственно. Но то, к чему он сам примѣнялъ знаменитый свой эпитет «умышленный», — то Бунину чуждо и ненавистно, как само зло.

С годами он стал еще менѣе терпим, чѣм прежде. Когда читаешь его теперешніе разсказы, кажется, что он вводит в повѣствованіе природу для проверки — отвѣчают ли ей мысли и поступки героев?

Сто лѣтъ со дня рожденія Жоржа Бизе — это, конечно, прежде всего и больше всего юбилей «Кармен».

Бизе — весь в «Кармен», и если он и не предвидѣл, а может быть и не понял бы, что судьба его оперы окажется связанной с

судьбой европейской духовной культуры, то вѣдь никто с художника и не спрашивает комментарий к самому себѣ.

Комментатор нашелся гениальный — Ницше. Вѣроятно, и без него всѣ бы почувствовали в концѣ концов, что в музыкѣ Бизе каким-то чудесным образом отражено солнце, но Ницше это так болѣзненно и восторженно уловил, так точно выразил, что к его словам нечего добавить. Надо было любить Вагнера, как любил он, — при том Вагнера не такого, какого воспринимаем мы теперь, а всеоружия его тогдашней, вѣроятно, ошеломляющей звуковой новизны, — надо было испытать на себѣ обволакивающую силу шопенгауэровских, полубуддйских туманов, чтобы потом обрадоваться солнцу, будто самой сущности жизни... Спор Ницше с Вагнером или, точнѣе, бунт Ницше против Вагнера опредѣлил развитіе европейскаго искусства на нѣсколько десятилѣтій вперед, и в развитіи этом «Кармен» заняла замѣтное мѣсто. За «Кармен» — или прот и в? Вопрос понятен, как формула. За или против «Фауста» или, скажем, «Пиковой дамы» — не значит ничего.

Прелестная, обворожительная вещь... Только все же, надо сознаться, ницшевская тяга к солнцу идет сквозь нее куда — то дальше, выше! Возстаніе против Вагнера было бы убѣдительнѣе при ссылкѣ на другое противоядіе, не столь «хорошенькое», «joli». Ницше говорит о Бизе, а думает как будто о Моцартѣ. Или о Пушкинѣ, если бы допустить, что он знал его. На теперешнем нашем журнальном волапоукѣ можно было бы сказать, что он «Кармен» «сублимирует».

Ты как отзвук забытаго гимна
В моей дикой и черной судьбѣ!
О, Кармен! Мнѣ печально и дивно,
Что приснился мнѣ сон о тебѣ...

Это — из Блока. Тут — без ницшевской удивительной ясности мысли. — то же влеченіе от облаков и туманов к солнцу, та же тоска по Средиземном морѣ, у «финских хладных скал». Біографы поэта, будущіе «блокисты», объяснят, конечно, что была такая артистка в петербургском театрѣ Музыкальной драмы, рыжая зеленоглазая «тигрица», в которую Блок был влюблен, когда писал эти стихи... Но можно понять стихи и без этого. При том — понять свободнѣе, вѣрнѣе.

В Россіи, по послѣдним сообщеніям, реабилитирован Алексѣй К. Толстой.

Факт как будто второстепенный. Но в качествѣ симптома — довольно замѣчательный. И вдвойнѣ характерный потому, что по-прежнему, все с той же настойчивостью, рекомендуется читать и изучать Чернышевскаго, Бѣлинскаго, Щедрина, Добролюбова... Что должно создаться в головѣ доврчиваго комсомольца, которому объясняют, что все это «культурное наслѣдство», подлежащее «освоенію»?

Ал. К. Толстой, по новѣйшим московским утвержденіям, дорог массам своей «народностью», своим «живым культом родной старины» и своим «оптимизмом». Но классики издаются в Москвѣ прекрасно, тщательно, без пропусков, и, кромѣ народности и оптимизма, читатели найдут у автора «Князя Серебрянаго» эпиграммы, замѣтки, письма, стихотворенія, которыя, вѣроятно, их озадачат. И если Ильич еще раз не перевернется в гробу, то, очевидно, на него ничего больше подѣйствовать не может!

Не смѣшается ли в концѣ концов все в русских умах, — как в домѣ Облонских? Читайте и вникайте в Ал. Толстого, великаго поэта, но читайте и вникайте и в тѣх, кто над ним издѣвался, великих критиков и публицистов! Поклоняйтесь фельдмаршалам и генералам, если они жили сто лѣтъ тому назад, — но, Боже упаси, не вѣрьте патриотизму этих бандитов, если они ваши современники! И так далѣе. Притом не думайте, — и это самое важное, — что в мірѣ царит хаос и свобода, гдѣ каждый по своему хорош. Нѣтъ, весь мір подчинен системѣ, открытой и запечатлѣнной в трудах Марса — Энгельса — Ленина — Сталина. Твердо извѣстно, гдѣ добро и гдѣ зло и куда идет человѣчество. Необходимо имѣть четкое міровоззрѣніе.

Иронія была бы неумѣстна и недопустима. Вопрос очень серьезен. В самом дѣлѣ, если попрежнему «русскіе мальчики» — по выраженію, взятому из «Карамазовых», — спорят, рассуждают, думают, ищут, как удастся им преодолѣть всю эту неразбериху?

Г. А.

Из „міра науки“

НОБЕЛЕВСКІЙ комитет присудил в этом году премію по отдѣлу физики молодому итальянскому ученому, Энрико Ферми, «за